

Иван Скобрев:



«Люблю экстрим, но не бросаюсь в авантюры...»

Высокий, стройный (рост — 187 см, вес — 85 кг), слегка напоминающий своим обликом хищную птицу, Иван Скобрев выглядит именно так, как, наверное, и должен выглядеть человек, которым управляет заложенная в него от рождения чемпионская программа. Видимо, давно уже привыкший к пресс-конференциям, он тут же давал четкий ответ-формулировку на любой вопрос, словно бы включая заранее заготовленную запись. Суть же его высказываний сводилась к тому, что ему 26 лет, на коньки его поставили в три года; в 12 лет он уже «пахал» по-настоящему, а затем переехал из родного Хабаровска в Петербург и поступил в Училище олимпийского резерва.

— Ну а в тайгу-то вы ходили? На рыбалку или на охоту? — попытался я сбить его с наезженной колеи.

— Я не рыбак и не охотник. Но мы с отцом, конечно, рыбачили и даже поймали как-то калугу в Амуре. Но у меня другие интересы.

— А сколько вам было лет, когда вы переехали в Петербург?

— Пятнадцать. В тот год мои родители и брат перебрались в Америку.

— Значит, в Питере вы жили один? Но это, наверное, очень нелегко? — не удержался я от сентиментального вопроса.

— Это круто, — тут же поставил он меня на место. — Я всегда хотел быть независимым и жить так, чтобы меня никто не контролировал. К тому же в нужный момент я всегда встречал на своем пути таких людей, которые направляли мою жизнь в правильное русло.

— И вы не тосковали по своим близким?

— Нет. Мне нравилась моя жизнь, я был увлечен тем делом, которым занимался. С родителями же мы созванивались раз в неделю, и мне этого хватало. «Как же так? — обижалась на меня мама. — Ты даже не хочешь приехать к нам...» Я собирался приехать, но не оттого, что мне было плохо без родителей, а потому, что хотел увидеть Америку. И в этом, наверное, и заслуга, и вина моих родителей, которые каждое лето отправляли меня в пионерские лагеря и тем самым приучали к самостоятельной жизни.

...Я не мог поверить Ивану. Наверное, думал я, он говорит так только потому, что старается соответствовать тому имиджу, который избрал для себя. Но если он все же тосковал по родным, то его, наверное, всегда тянуло к искусству, поскольку только оно хоть в какой-то степени могло компенсировать недостаток чувств и эмоций, которых он недополучил в детстве...

— Вы любите слушать музыку? — спросил я его.

— Да, — ответил он, — но я не меломан. Слушаю всё: на моем айфоне 16 гигабайт самой разной музыки — от смешных российских песен прошлого до экзотических и даже вальсовых американских композиций.

— А как относитесь к кино?

— Смотрю голливудские фильмы, но без восторга.

— Ну а танцами-то увлекались?

— В Питере я ходил на дискотеки, но та ночная жизнь давно ушла в прошлое. Днем я должен активно тренироваться, а вечером — отдыхать.

...Его родители все же смогли вытащить Ивана к себе: им удалось договориться с американцами о том, чтобы их сын, приехав в Америку, смог бы отправиться на сбор вместе со скороходами национальной команды США.

— В свой первый приезд я около трех месяцев тренировался с американцами и осваивал разговорный английский, — вспоминает Иван. — А перед Олимпиадой в Турине провел в Штатах, с перерывами, правда, чуть ли не целый год. Набирался на американских катках опыта и многому учился, — словом, здорово провел там время...

— К тому же у вас была возможность видиться с родителями, — снова попытался я надавить на его родственные чувства, но Иван остался верен себе.

— Я и в детстве-то не был привязан к дому, — сказал он, — поэтому мне не нужно было привыкать к жизни без родителей. Я давно к этому привык. Но при всем при том у меня с родителями замечательные отношения: они всегда помогали мне, если это было нужно.

— А чем занимаются ваши родные?

— Мама работает с детьми: учит их плавать, делать гимнастику и даже проводит сеансы физиотерапии (в Хабаровске она была заместителем директора детско-юношеской спортивной школы), а отец (он бывший конькобежец) организовал строительную фирму по установке окон. Ну а мой брат Артем (он младше меня на семь лет) учится в Коннектикуте в университете и увлекается легкой атлетикой (он бегун).

— Вы сказали, что вам везло на таких людей, которые в нужный момент направляли вашу жизнь в правильное русло. Так было и в Петербурге?

— Да. В Питере все заботы обо мне взяла на себя мой тренер Вера Николаевна Быкова, за что я ей безмерно благодарен. Ее муж — состоятельный человек; он позволял Вере Николаевне тратить деньги из их семейного бюджета на ребят, которые у нее занимались. Меня же она обеспечивала коньками и комбинезонами, а порой приглашала на внеочередные сборы, которые устраивала для нас. Но однажды, когда мое обучение в училище подходило к концу, я сказал ей, что не имею морального права тратить на себя ее деньги. Надо, мол, либо подписать хороший контракт с каким-либо клубом, либо уехать в Америку и попытаться поступить там в какой-нибудь университет.

И Вера Николаевна в очередной раз помогла мне: она договорилась с руководителями череповецкого спортивного клуба «Северсталь» и с тре-

нером Александром Александровичем Калининым (сейчас он занимается моими делами) о том, что я подпишу контракт и буду выступать за этот клуб.

— В Череповце, насколько мне известно, вы поступили в вуз...

— Я уже окончил его. Это филиал Петербургского государственного инженерно-экономического университета, факультет «Туризм и гостиничное хозяйство». Теперь собираюсь продолжить учебу в аспирантуре.

— И вы по-прежнему живете один...

— Я очень люблю свой вид спорта и хочу все время совершенствоваться в нем. В своем конькобежном мире я могу плакать и смеяться, отдыхать и умирать от усталости; здесь есть почти всё, чем я живу.

...В 19 лет Иван Скобрев выступил на юниорском чемпионате мира и стал серебряным призером в многоборье. Но после этого в его чемпионской программе произошел сбой: на турнирах высшего ранга он выступал без особого успеха, и могло показаться, что доступ к наградам для него закрыт. На чемпионатах Европы он четыре раза занимал пятое место и только в январе минувшего года вышел на четвертое; на Олимпиаде в Турине тоже не смог отличиться, и лишь на чемпионате мира 2007 года на отдельных дистанциях ему удалось завоевать «бронзу» в командной гонке (вместе с Алексеем Юниным и Евгением Лаленковым). Побеждал же Скобрев только на внутренних соревнованиях, где раз за разом завоевывал звания чемпиона и рекордсмена России, однако результаты, которые он показывал, не могли принести ему успех на международной арене. Наверное, поэтому Иван во время нашей беседы даже не упомянул об этих своих достижениях. Но почему же в течение всех этих лет он так и не смог полностью реализовать свою чемпионскую программу?

— Мы выступаем индивидуально, однако коньки — это, по существу, командный вид спорта, — говорит он. — Одному проехать двадцать кругов — нереально, а вместе с командой — возможно. Вот только команда должна быть первоклассной...

В России такой команды не было, и потому Иван решил потренироваться за рубежом. Руководители Союза конькобежцев России пошли навстречу Скоброву: они провели переговоры сначала с норвежцами, а затем с итальянцами, и в мае прошлого года

Иван стал подопечным знаменитого итальянского тренера Маурицио Маркетто.

С его помощью Скобрев стал быстро восстанавливать свою чемпионскую программу: выступая на этапах Кубка мира, он вышел на такой уровень, который казался недостижимым для российских мастеров. 21 ноября в Хамаре (Норвегия) Скобрев был третьим на дистанции 10 000 метров, пропустив вперед только суперзвезд Свена Крамера и Боба де Йонга (Голландия); 5 декабря в Калгари (Канада) на дистанции 5000 метров он уступил лишь Свену Крамеру, а 14 декабря в Солт-Лейк-Сити Иван стал третьим призером на этой дистанции (первые два места заняли олимпийский чемпион итальянец Энрико Фабрис и Боб де Йонг).

— Маркетто предложил мне качественно новый уровень нагрузок и по объему, и по интенсивности, — объясняет свои успехи Иван. — Если бы я заранее познакомился с рабочим планом, который мне предстояло выполнить, то, наверное, отказался бы от поездки в Италию. Выдержать же эти смертоубийственные, как мне казалось, тренировки я смог только потому, что попал в команду ребят, сильных и телом, и духом. Работая вместе с ними, я просто не мог проявить слабость. Ну а примером для меня был Энрико Фабрис. Я учился у него — и тому, как он готовился к тренировкам, и как выполнял каждое задание тренера.

— Из ваших слов ясно, что в группе Маркетто огромное внимание уделяется функциональной подготовке. Но в технике-то у вас, видимо, не было особых проблем?

— Такие проблемы есть всегда. Коньки — это высокотехнический спорт, а я делаю много технических ошибок, особенно в спринте. На нескольких сборах нас снимал на камеру второй тренер, Стефано Донагранди, олимпийский чемпион в командной гонке, от которого не ускользнет ни одна техническая погрешность. Слушая его, я понял, что должен работать над техникой еще больше, чем работаю сейчас.

— А ваши друзья по группе делают вам замечания?

— Да. «У тебя всего лишь две ошибки, — говорят они. — Ты не умеешь правильно проходить прямую и поворот».

— Ну а что вы будете делать в отпуске? Как собираетесь его провести?

— Можно поехать на Гавайи, поза-

ниматься там сёрфингом или же отправиться в горы, покататься на сноуборде. Люблю экстрим... У меня есть еще одно увлечение — хоккей. И раза два в году мне удастся съездить во Владивосток к Владимиру Ивановичу Шастину, моему крестному и спонсору. Ему принадлежит хоккейная команда «Тайфун», и я не упускаю случая потренироваться вместе с хоккеистами. Пока я не выступал за эту команду, но в нынешнем сезоне, надеюсь, смогу занять место хотя бы в четвертой пятёрке.

— Выходит, в отпуске вы тоже продолжаете тренироваться, переходя от коньков к другим, чаще всего экстремальным, видам спорта...

— Надо держать себя в тонусе и не забывать о своем деле.

— В вашей жизни все заранее запланировано. Но неужели вы никогда не позволяли себе действовать не по плану, а поддавшись настроению?

— Это моя проблема. И мои близкие, и моя девушка обижаются на меня из-за того, что я хочу все заранее продумать и предусмотреть, чтобы выбрать такой вариант действий, который был бы для меня комфортным. Я стараюсь трезво мыслить и не бросаться с головой в авантюры.

— И вы никогда не совершали безрассудных поступков даже ради любимой девушки?

— В этом не было необходимости. Моя девушка — студентка, учится в Петербурге по специальности «Технология и дизайн одежды». Мы познакомились еще в Хабаровске, ей тогда было 13, а мне — 15 лет. Вместе росли и тренировались, потом она переехала в Питер, а сейчас часто приезжает ко мне в Москву. Она близкий мне человек, но мы и ссоримся, и ругаемся, порой расстаемся, но всегда возвращаемся друг к другу. Мы немного времени проводим вместе, но, когда это случается, нам хорошо...

Моя девушка научилась меня понимать. Она догадывается, когда мне нужно побыть одному или посидеть в тишине, чтобы настроиться на соревнования. И конечно же, знает, что лучше, чем я сам, никто не сможет помочь мне в спорте.

— Но неужели в вашей жизни не происходит ничего незапланированного? Может быть, это случается хотя бы в ваших снах? Вам снятся потрясающие сны?

— Да. Это сны о том, как падает самолет, на котором я лечу.

Окончание см. на 4-й странице обложки →

Иван Скобрев:

«Люблю экстрим, но не бросаюсь в авантюры...»



К Олимпиаде готов?
Фото С. Кирилина и А. Голованова

←Окончание. Начало см. в номере

— И вы чувствуете, что самолет вот-вот разобьется?

— Ну да. Это круто. Совершенно реальное ощущение, и оно мне даже нравится.

— А в жизни такое случилось?

— Пару раз возникали экстремальные ситуации.

— Расскажите о них.

— Один раз, когда летели в Берлин, был сильный ураган, и при посадке самолет здорово накренился... А в другой раз, когда летели из Нью-Йорка, нас над Атлантикой страшно трясло. Но я верю, что не разобьюсь на самолете, поэтому такой экстрим меня даже прикалывает.

После этих его слов я подумал, что и предстоящие олимпийские старты его, конечно же, ничуть не страшат, а только «прикалывают». Но я все же спросил Ивана, волновался ли он на прошлой Олимпиаде и не лишает ли его сна мысль о предстоящих стартах в Канаде.

— Нет, — ответил он. — В Турине я особо не волновался, поскольку мои тогдашние результаты не позволяли мне надеяться на призы. Ну а теперь волнения будет чуть больше, так как я знаю, что наши спортивные руководители возлагают на меня немалые надежды.

Когда этот материал готовился к печати, завершился чемпионат Европы по классическому многоборью, на котором Иван Скобрев завоевал бронзовую медаль. Он, конечно же, был счастлив, ведь за последние восемь лет никому из российских конькобежцев не удавалось добиться подобного успеха...

Кто-то из великих сказал, что горечь большого счастья — в его неповторимости. Наверное, так оно и есть. Но у Ивана Скобрева все же будет шанс снова — и еще большей остротой — ощутить горький привкус неповторимости теперь уже не просто большого, а огромного счастья. Условие для этого только одно: на Белой олимпиаде-2010 он должен выступить в свою силу и, может быть, чуть-чуть превзойти самого себя.

Андрей БАТАШЕВ

ISSN 0130-5670



9 770130 567995